
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 316.346.32-053.6

DOI: 10.17853/1994-5639-2021-5-131-163

СКЛОННОСТЬ К СОЦИАЛЬНОМУ СЕРФИНГУ СРЕДИ МОЛОДЕЖИ РОССИИ: РЕГИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА

И. А. Симонова

*Уральский федеральный университет имени первого Президента России
Б. Н. Ельцина; Уральский государственный педагогический университет,
Екатеринбург, Россия.
E-mail: luboe05@mail.ru*

О. В. Кружкова¹, И. В. Воробьева²

*Уральский государственный педагогический университет,
Екатеринбург, Россия.
E-mail: ¹galiat1@yandex.ru; ²lorisha@mail.ru*

Аннотация. *Введение.* Феномен социального серфинга как специфической стратегии мобильности во многом определяет жизнь поколений Y и Z и создает неоднозначный с точки зрения угроз и возможностей контекст становления жизненных траекторий российской молодежи. Это актуализировало поиск теоретико-методологических основ понимания и практических инструментов оценки состояния данной проблемы, что, в свою очередь, позволило масштабировать это явление в контексте современной молодежной среды в России.

Целью исследования стало выявление степени лояльности и потенциальной склонности к использованию стратегии «социального серфинга» представителями молодежи российских регионов, в том числе с учетом оценки одобрения гендерных моделей данной стратегии поведения.

Методология, методы и методики исследования. В качестве методологической основы описания феномена социального серфинга избраны положения социальной топологии М. Кастельса, гетерологическая концепция ризомы Ж. Делеза и Ф. Гваттари, философия мобильности Дж. Урри, З. Баумана, У. Бека, положения теории транзитивности (Е. М. Дубовская, Т. Д. Марцинковская, Е. А. Киселева), исследования специфики молодежной идентичности и самореализации в социальном пространстве (М. С. Schippers, N. Ziegler, M. Loreto Martínez, P. Cumsille, A. K. Викулов, Т. В. Плотникова и др.) и современные концепции счастья (М. Аргайл, Д. А. Леонтьев, А. Л. Журавлев и др.) Исследование проводилось в разных регионах России (города: Новосибирск, Екатеринбург, Челябинск, Казань, Ульяновск, Глазов) с применением авторской психодиагностической методики «Склонность к социальному серфингу молодежи». В исследовании приняли участие представители молодежи (N = 510 человек в возрасте 18-27 лет, среди них женщин – 68 %, мужчин – 32 %).

Результаты и научная новизна. Было обнаружено, что 11,2 % юношей и девушек одобряют социальный серфинг, оценивают его поведенческую модель как положительную и допускают подобные варианты выбора собственной жизненной траектории. Сравнительный анализ позволил обнаружить значимые различия в степени лояльности к стратегии социального серфинга у представителей молодежи, проживающих в разных регионах РФ: наибольшая лояльность проявлялась молодыми жителями Екатеринбурга, Глазова и Казани, а отрицательное отношение к указанной стратегии зафиксировано у жителей Челябинска. Респонденты демонстрировали неравнозначное отношение к мужской и женской моделям социального серфинга: при относительно снисходительном отношении к мужской модели, социальный серфинг женщин не одобряется и связывается со слабостью и ведомостью. Вместе с тем одобрение мужской модели социального серфинга создает определенные риски маргинализации и ценностно-смысловой аномии представителей молодежи.

Практическая значимость проведенного исследования обусловлена потенциальными возможностями использования полученных данных для выбора подходов к работе с молодежью в условиях ее высокой мобильности, в том числе в плоскости выбора образовательных и профессиональных траекторий.

Ключевые слова: молодежь, социальный серфинг, мобильность, склонность, транзитивность.

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского фонда фундаментальных исследований (проект №16-33-01057 ОГН).

Для цитирования: Симонова И. А., Кружкова О. В., Воробьева И. В. Склонность к социальному серфингу среди молодежи России: региональная специфика // Образование и наука. 2021. Т. 23, № 5. С. 131–163. DOI: 10.17853/1994-5639-2021-5-131-163

PROPENSITY FOR SOCIAL SURFING AMONG YOUTH: REGIONAL SPECIFICITY

I. A. Simonova

*Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin;
Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.
E-mail: luboe05@mail.ru*

O. V. Kruzhkova¹, I. V. Vorobyeva²

*Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.
E-mail: 1galiat1@yandex.ru; 2lorisha@mail.ru*

Abstract. Introduction. The phenomenon of social surfing, as a specific mobility strategy, largely determines the life of Y and Z generations, and creates an ambiguous context in terms of threats and opportunities for the formation of life trajectories of Russian youth. This actualised the search for theoretical and methodological foundations of understanding and practical tools for assessing the state of this problem, which, in turn, made it possible to scale this phenomenon in the context of the modern youth environment in Russia.

The *aim* of the present research was to identify the degree of loyalty and potential tendency to use the “social surfing” strategy by the representatives of young people in Russian regions, taking into account the assessment of the approval of gender models of this behaviour strategy.

Research methodology, methods and techniques. The methodological framework for describing the phenomenon of social surfing is based on the social topology of M. Castells, the heterological concept of the rhizome by J. Deleuze and F. Guattari, the philosophy of mobility by J. Urry, Z. Bauman, U. Beck, the theory of transitivity (E. M. Dubovskaya, T. D. Martsinkovskaya, E. A. Kiselev), the studies of the specifics of youth identity and self-realisation in social space (M. C. Schippers, N. Ziegler, M. Loreto Martínez, P. Cumsille, A. K. Vikulov, T. V. Plotnikova and others) and the modern concepts of happiness (M. Argyll, D. A. Leontiev, A. L. Zhuravlev and others) The study was conducted in different regions of Russia (Novosibirsk, Ekaterinburg, Chelyabinsk, Kazan, Ulyanovsk, Glazov) using psychodiagnostic methodology “Propensity to social surfing of young people” developed by the authors. The study involved young people (N = 510 people aged 18–27 years old, among them female – 68 %, male – 32 %).

Results and scientific novelty. It was found that 11.2 % of young men and women approve of social surfing, evaluate its behavioural model as positive and allow similar options for choosing their own life trajectory. Comparative analysis revealed significant differences in loyalty to the social surfing strategy among young people living in different regions of the Russian Federation: the greatest loyalty was manifested by the young residents of Ekaterinburg, Glazov, and Kazan, while the residents of Chelyabinsk predominantly demonstrated a negative attitude to this strategy. The respondents showed an unequal attitude towards male and female social surfing models: with a relatively condescending attitude towards the male model, social surfing of women is frowned upon and is associated with weakness and statement. Meanwhile, the approval of the male model of social surfing creates certain risks of marginalisation and value-semantic anomie among young people.

The *practical significance* of the conducted research is due to the potential possibilities of using the data obtained for choosing approaches to work with young people in the conditions of their high mobility, as well as for creating educational and professional trajectories.

Keywords: youth, social surfing, mobility, propensity, transitivity.

Acknowledgements. The current research was supported by the grant from the Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project No. 16-33-01057 OGN.

For citation: Simonova I. A., Kruzhkova O. V., Vorobyeva I. V. Propensity for social surfing among the Russian youth: Regional specificity. *The Education and Science Journal*. 2021; 23 (5): 131–163. DOI: 10.17853/1994-5639-2021-5-131-163

Введение

Молодежь на современном этапе развития общества является не только «креативным» классом, но и серьезной движущей силой социальных изменений. Эволюционно именно за молодыми поколениями закрепляется роль «проводников» инноваций в повседневную жизнь социума. Транзитивность проявляется не только и не столько в изменчивости и неопределенности процессов, происходящих в обществе, их высоком динамизме и мутабель-

ности. На сегодняшний день транзитивность является еще и определенной тенденцией в функционировании психики человека, когда изменения, требуемые внешней средой или инициированные собственным выбором человека, являются не столько признаком кризисных, поворотных периодов в его онтогенезе, сколько явлением, сопровождающим каждодневные ситуации осуществления бытия человека в мире. Транзитивность предполагает кроме изменчивости еще и множественность, то есть одновременное существование нескольких вариантов социального мира в едином времени и пространстве [1, 2], что, с одной стороны, расширяет социализационные возможности молодежи за счет культурной, лингвистической, социальной многовариативности, но с другой, создает риски, связанные с развитием нетрадиционных социальных стратегий взаимодействия с различными сообществами и личностной самореализации в них. Одной из подобных стратегий является социальный серфинг молодежи, проявляющийся в быстром поверхностном движении между различными социальными сообществами и освоении их коммуникативных практик и смысловых ориентиров при отказе от прежнего опыта включения в иные сообщества [3].

Переходя от одной общности к другой, молодой человек полностью меняет способ самореализации, игнорирует и не использует ранее характерные для него способы коммуникации, социальные техники и культурные практики, отказываясь от социально одобряемых, а иногда и от личностно значимых ценностей в угоду новым практикам, применяемым в новой общности [4, с. 234]. При этом механика реализации социального серфинга проходит три этапа:

1) *этап освоения сообщества* – для «серфера» важно комплексно охватить все ключевые практики сообщества, вследствие чего он нуждается в наиболее репрезентативных, визуально богатых, очевидных и признаваемых всеми релевантными практиках и техниках. Молодой человек ориентируется на очевидные (но возможно поверхностные) и наиболее доступные образцы – начинает посещать места, поддерживать значимые для сообщества события, реализовывать необходимые и требуемые в среде сообщества практики. Как только сообщество (солидарность) становится трендовым, популярным, а значит, более информационно представленным в среде, следовательно, доступным для копирования образцов, то вероятность скользящего присутствия в нем «серферов» возрастает;

2) *этап культурного воспроизводства* – молодой человек, вошедший в сообщество, активно проявляет и защищает свою идентификацию с данной группой и принадлежность к ней. При этом для него характерно использование набора техник в строгом соответствии с установленными нормами (даже если они условны, интуитивны), плотная коммуникация со всеми значимыми

участниками сообщества, регулярное присутствие в местах практики сообщества, активное потребление места, присутствие онлайн, систематическая репрезентация необходимого содержимого, циркуляция в пространствах события. Жестко и ревностно следуя выявленным для себя нормам сообщества (которые могут не в полной мере совпадать с реальными), требуя соблюдения этих норм от других участников, «серфер», как правило, не обогащает сообщество, поскольку использует устоявшиеся образцы, не изменяя и не дополняя их, выступая в качестве потребителя практик, техник, мест, ценностей;

3) *этап сепарации и перехода к новому коммуникативному включению*: при отступлении от общности, выхода из группы, воспроизводимые практики и используемые для этого техники полностью исключаются из использования «серфером», а в будущем они не будут им воспроизводиться. Коммуникация с представителями общности прерывается вплоть до полного прекращения, места более не эксплуатируются, полученный опыт не находит отражения в дальнейших практиках «серфера». Упоминания об имеющемся опыте, как правило, отсутствуют, и в ходе дальнейшей коммуникации не репрезентируются. В итоге, при перемещении «серфер» не переносит культурные образцы одного сообщества в другое, то есть движение присутствует, а транскulturность, способная за счет прихода нового человека, приносящего с собой новые инокультурные формы, обогатить сообщество, ограничена. Отсутствие демонстрации опыта прошлого сопровождается активизацией потребления нового социального опыта, основной упор «серфером» вновь делается на овладении комплексом практик, техник нового сообщества, освоение его новых социальных пространств. Таким образом, можно выделить следующие критерии серфинга: частая сменяемость общностей; каноническое воспроизведение наиболее типичных практик общности с последующим полным отказом от них; разрыв возникших социальных связей при смене сообщества; игнорирование полученного опыта в пользу следующего включения в новую общность. Данная стратегия отличается от прочих видов мобильности, хотя может интегрировать некоторые из них. Вектор такой подвижности не может быть определен в отдельности через институты, географию, движения тела и даже мобильность социального пространства. Речь идет о специфическом механизме коммуникативного подключения, сущность которого определяет данную стратегию среди прочих современных. При этом она имеет черты номадности (это практика постоянного движения, а не временное состояние, поиск стабильного варианта) и носит ризоматический характер [5], поскольку каждое коммуникативное подключение – это отдельная история, опыт которой не воспроизводится в последующих тактах скольжения. Мобильность по ризоматическому типу, если описывать ее в терминах концепции Ж. Делеза и Ф. Гваттари,

противоположна идее биографии с линейной структурой: перемещения множественны, не иерархичны, не укладываются в какую-либо единую связанную историю, каждый эпизод отделен и не «инвестирует» ничего в дальнейшие такты. Субъект избегает центрирующих принципов, его биография выглядит совершенно не так, как привычные древовидные иерархичные жизненные истории большинства людей, строящих карьеру и наращивающих социальный капитал. Жизнь «социального серфера», горизонтальная и прерывная, лишена очевидного накопления, инвестиций в рост, «расползается» разнообразными, прерывными связями, причудливыми принципами, которыми он какое-то время руководствуется, но вскоре легко с ними расстаётся.

Распространенность «социального серфинга» как стратегии реализации себя в социальном пространстве среди молодежи [6] требует детального рассмотрения ее рисков и возможностей как с позиции общества, так и с позиции личности. Это актуализировало поиск теоретико-методологических основ понимания и практических инструментов оценки состояния данной проблемы. Следующим шагом стало масштабирование данного явления в контексте современной молодежной среды в России. Таким образом, целью представленной статьи стала оценка степени и рисков лояльного отношения (потенциальной склонности к использованию) стратегии «социального серфинга» представителями молодежи шести регионов РФ, в том числе с учетом оценки одобрения гендерных моделей данной стратегии поведения.

Целью проведенного исследования стало выявление лояльного отношения (потенциальной склонности к использованию) стратегии «социального серфинга» представителями молодежи шести регионов РФ.

При этом были сформулированы следующие исследовательские вопросы:

- 1) каково отношение представителей молодежи к стратегии социального серфинга?
- 2) существуют ли различия в отношении к стратегии социального серфинга в зависимости от региона проживания представителей молодежи?
- 3) присутствуют ли различия в оценке гендерных моделей социального серфинга?
- 4) Какие риски социальный серфинг создает в условиях распространенности в молодежной среде?

Обзор литературы

Научное понимание закономерностей становления и развития общества является приоритетным направлением научного поиска в социальной сфере, потому что требует комплексного системного анализа. И такой анализ

не представим вне исследования конкретных знаковых проявлений современной социальной реальности, что подчеркивает перспективность заявленного направления. В свою очередь, и социальный серфинг как концепт должен получить современное обоснование с использованием адекватных времени методологий, поскольку остается теоретически нераскрытым при широкой фактической распространенности, что также обуславливает актуальность указанного аспекта проблемы. Анализ литературы показывает, что на сегодняшний день есть лишь несколько доступных работ, посвященных непосредственно данной проблеме: в исследовании И. А. Симоновой впервые дается определение феномена «социальный серфинг» как социальной стратегии жизнеосуществления молодежи [6], в последующих работах раскрывается концепция социального серфинга, оцениваются риски для реализации ответственного гражданского поведения субъекта [3] и устанавливаются аксиологические основания «выбора не выбирать» [6]; С. Н. Семяников также рассматривает социальный серфинг через призму ценностей с акцентом на деформации ценностной основы подобной социальной стратегии [9]; а серия работ В. И. Ильина раскрывает социальный серфинг как специфический образ жизни части представителей современной молодежи [7, 8]. Проблема социального серфинга, между тем, соответствует тренду на исследования мобильностей, заданному так называемым «mobility turn», хотя и не подпадает ни под одну из известных типологий мобильности.

Прежде всего, социальный серфинг определяется характером общественной организации и теми возможностями для перемещения и коммуникации, которые она может предоставить. Наиболее влиятельные концепции общественного описания, связывающие основные его особенности с мобильностью и позволяющие нащупать контексты появления социального серфинга, представлены в работах З. Баумана [10, 11], М. Ксталяса [12], Дж. Урри [13] и др. Каждая из этих концепций создает особый образ глобализированного мира как мира мобильности и перемещений [14]. Дж. Урри отмечает общий упадок национальных обществ, отмечает слабость классических институтов. Он отмечает некоторые материальные трансформации, которые изменяют суть «социального». Речь идет о различных мобильностях, которые посредством множественности чувственных данных, воображаемых путешествий, движения образов и информации, виртуального и физического перемещения видоизменяют на материальном уровне «социальное как общество», превращая его в «социальное как мобильность». Его интересуют «потoki людей как внутри, так и, главное, за пределами территории каждого общества, а также то, как эти потоки могут соотноситься с различными желаниями людей – со стремлением получить работу, жилье, доступ к какому-то виду досуга, исповедовать ту или иную веру, выстроить

семейные отношения, незаконно обогатиться, найти убежище и т. п. Не следует забывать, что мобильность характеризует не только людей, но и многие иные «объекты» [13]. По мнению автора, в современных обществах причинно-следственная связь и эффективность социальных отношений все больше отделены от реальной близости благодаря новым способам обитания и взаимодействия с технологическими мирами, которые простираются от человека. Эти сборки или гибриды людей и машин взаимосвязаны во времени и пространстве бесчисленным количеством сложных связей и развиваются в нелинейной манере [15].

У. Бек отмечает: «Социальная мобильность, как, кстати, и мобильность географическая, даже повседневная мобильность между домом и рабочим местом, перемешивают жизненные пути и ситуации людей. Со всеми этими видами мобильности, особенно с их совокупностью, связаны сдвиги в индивидуализации применительно к семейным, соседским, дружеским, профессиональным и производственным отношениям, а также привязанности к определенной региональной культуре и ландшафту. Жизненные пути людей обретают самостоятельность относительно условий и связей, из которых они вышли или в которые входят заново, и наделяются собственной реальностью, которая переживается людьми как личная судьба» [16, с. 29].

По мнению З. Баумана, вслед за изменениями экономического порядка в современном мире текучесть становится характеристикой повседневной жизни отдельного человека. При этом скорость жизни увеличивается, время становится более значимым, чем пространство. Вместе с основными экономическими факторами рассоединяются и другие области социальной жизни, от политики (рассоединение местной власти и местных проблем, с одной стороны, и глобальных властвующих элит – с другой) до личной идентичности (рассоединение личности и ранее массивных и стабильных референтных групп, скажем, религиозных общин). Подобные рассоединения приводят к фундаментальным трансформациям в устройении пространства и времени [14]. Человек становится мобильным и необремененным длительными обязательствами. Все, что он создает, он может и изменить.

Как полагает Бауман, в основе многих таких трансформаций лежат технологии, которые задействуются современностью для преодоления пространства, позволяют заменить физические мобильность и присутствие электронными. Если раньше для всех была характерна пространственная сопряженность разных элементов социальных взаимодействий, то «текучая» современность превращает тех, кому доступны средства, в глобально мобильный класс, в «новых номадов», «туристов», свободно передвигающихся по всему миру. Пространственные формы взаимодействий перестают основываться на стабильном соприсутствии и регулярных «столкновениях» в од-

них и тех же фиксированных местах. В результате то, что принято называть публичным пространством, пространством, в котором могут соприкасаться и взаимодействовать разные люди (взаимные «чужаки» или «незнакомцы»), выхолащивается. На смену ему приходят различные новые типы пространства, в которых различия между людьми всячески стираются или превращаются в нерелевантные. Мир обладает теперь свойствами *текучести* и *проницаемости*, что является условием реализации высокой мобильности и требует максимальной свободы от вещей и социальных обязательств. При этом отмечается уменьшение жизненного цикла всех традиционных ценностей [10, 11].

М. Кастельс [12], описывая современное общество как сетевое, показывает, что именно различные виды новых коммуникаций в совокупности с институциональными изменениями, делающими их доступными, приводят к изменениям в различных сферах. В том числе, он отмечает ослабевание национальных государств и традиционных институций, изменения в структуре идентичности. Новые коммуникационные технологии – прежде всего Интернет и мобильная связь – порождают возможности для совершенно нового оформления социальных отношений. Надо заметить, что функции объединения сегодня выполняют плотные сети транспорта и коммуникаций, а не культурная идентичность или исторические центры. Таким образом, для молодежи сегодня формируются весьма специфические условия, в которых социальный серфинг становится уместным вариантом стратегирования. М. Кастельс говорит о трансформации пространства мест в пространство потоков: «Пространство потоков есть материальная организация социальных практик, которые доминируют в сетевом обществе и формируют его. Под потоками я понимаю целенаправленные, повторяющиеся, программируемые последовательности обменов и взаимодействий между физически разъединенными позициями, которые занимают социальные акторы в экономических, политических и символических структурах общества» [17, с. 64]. Исследователь показывает также, что сетевое общество характеризуется уничтожением ритмичности, как биологической, так и социальной, связанной с понятием жизненного цикла [17, с. 371]. Таким образом, открытость современных форм общества, кардинальные изменения в порядках организации его топологии, дают новые возможности и стимулы: отсутствие строгого физического сцепления с местом, «родной» общностью, возможность вариативно, с претензией на внезапный успех включаться в различные социальные процессы, что является, согласно данной теории, привилегией элиты, благодаря доступности сетевых средств связи, выглядят новыми и заманчивым вариантами, альтернативными традиционной предсказуемой жизни. Все это не может не сказываться на ориентирах современного человека. Так, он отмечает:

«... в исторический период, характеризуемый широко распространенным де-структурированием организаций, делегитимизацией институтов, угасанием крупных общественных движений и эфемерностью культурных проявлений, идентичность становится главным, а иногда и единственным источником смыслов. Люди все чаще организуют свои смыслы не вокруг того, что они делают, но на основе того, кем они являются, или своих представлений о том, кем они являются [17, с. 15]. При этом общество, предоставляя множественные возможности для проб и подбора вариантов своего «Я», не предъявляет требований остановиться в своем выборе.

С точки зрения психологии, изменчивость социализационных процессов молодежи сегодня создает особые риски маргинализации. Процесс маргинализации в условиях транзитивности и высокой социальной мобильности сопровождается утратой молодым человеком «идентификации с определенной группой, сменой социально-психологических установок, характеризуется потерей социальной идентичности личности, кризисом идентификации, уходом от одних культурных норм, образцов социального действия и невозможностью обретения новых социальных регуляторов, связанных с переходом в новую идентичность»¹.

Однако включенность молодых людей в отдельные социальные и политические общности, а также трансфер и серфинг между ними имеют в современных условиях определенный социализационный и цивилизационный смысл. В работе М. Ekström и М. Sveningsson подчеркивается, что аспект членства в социальных группах является важным процессом в развитии ценностей, убеждений и идентичности (в том числе гражданской) молодого поколения. При этом нормальным и закономерным является «проба» молодыми людьми принадлежности к различным социальным группам и объединениям с целью поиска своей уникальной идентичности, в результате чего могут существенно пересматриваться отношения к указанным общностям и, как результат, членство в них [18]. Впрочем, в случае с социальным серфингом «проба членства» не предполагает в дальнейшем при смене референтного сообщества использование наработанных социальных навыков и освоенных культурных практик, вытесненных новыми формами взаимодействия и самоосуществления в новой общности. Именно этот момент демонстрирует социальную и личностную несостоятельность стратегии социального серфинга, представляющей множество возможностей для формирования «социального багажа» личности и выхолащивающей его в силу обесценивания и отрицания прошлого социального опыта.

¹Шалагинова Н. А. Социальная маргинальность (характерологические свойства и типологические признаки): автореферат дис. ... кандидата философских наук / Юж. федер. ун-т. Ростов-на-Дону, 2012. С. 12

В то же время стратегия социального серфинга тесно связана с поиском себя, своей идентичности и жизненной цели. Как указывают М. С. Schippers и N. Ziegler, современная жизнь часто отвлекает людей от их истинных целей и многим трудно определить свою цель в жизни [19], чему способствует многообразие возможностей, а также давление современной культуры, где очень важно показывать «идеальную» жизнь. За наполнением позитивными образами страниц в социальных сетях, демонстрацией своей успешности, яркости, в погоне за социальным одобрением в форме «лайков» и «репутационной прокачкой» [20] молодым человеком не проживаются действительно важные глубинные ценности его жизни, не осознаются и теряются смыслы и цели самоосуществления.

Поверхностность существования в условиях «социального серфинга» приводит к частым разочарованиям, поскольку рано или поздно человек начинает ощущать существенное противоречие между внешним и внутренним. Но вследствие неспособности отразить истинные причины нарастающей неудовлетворенности от социального включения в общность, коренящиеся в инфантильности личности, человек отправляется на поиски нового сообщества, которое, по его мнению, сможет удовлетворить его запросы, предоставив ему готовые «истинные» цели и смыслы существования. Зачастую это реализуется через патерналистические установки российской молодежи, в рамках которых существует убеждение в том, что именно внешний источник (например, государство как социальный институт) несет исключительную ответственность за настоящее и будущее как молодежи в целом, так и отдельных ее представителей [21]. Впрочем, согласованность ценностей в сочетании с целеустремленностью и готовностью принять на себя социальные обязательства, как показано в исследовании М. Loreto Martinez и Р. Cumsille, имеет существенное значение для социальной и личной идентичности представителей молодежи. Высокий уровень данных характеристик сопровождается выраженным критическим отношением к обществу и готовностью осознанно и ответственно участвовать в гражданской и политической деятельности [22], при этом достигать собственных целей и реализовывать себя в общественном пространстве.

Одним из факторов привлекательности стратегии «социального серфинга» выступает гедонистическая ориентация молодежи в поисках счастья. Активно продвигаемые идеи «экономики счастья», позиционирование и акцентирование ведущей смысловой роли субъективного благополучия человека в обществе, что становится мерилом для оценки качества объективных условий жизни людей и социума в целом [23], создают особую ценность поиска индивидуального счастья.

Различая два типа счастья – гедонистическое и эвдемонистическое [24], в случае современной молодежи мы чаще наблюдаем преобладание ориентации на гедонизм [25], выражающуюся в максимизации положительных эмоций и минимизации отрицательных, что приводит к редукции смысловых контекстов и временной перспективы жизни [26]. «Счастье только сегодня, только в настоящем, здесь-и-теперь» [27, с. 1], соответственно, для переживания счастья характерна прерывистая социальная активность – поиск источника счастья сменяется «замиранием» в искомом состоянии с последующим возобновлением поиска нового источника положительных эмоций. Учитывая коллективистскую культурную основу российского общества, нужно понимать, что оценка личного счастья и удовлетворенности жизнью основывается не только на индивидуальных переживаниях, но и на групповом контексте [28]. Группа, социальная общность для представителей российской молодежи является значимым ресурсом самореализации и самоосуществления, предоставляющим множество эмоционально емких жизненных ситуаций. Смена сообщества для гедонистически ориентированного молодого человека – это поиск нового ресурса, нового источника счастья при исчерпании ресурсов прежнего.

Другим фактором, создающим благоприятные условия для выбора «социального серфинга», является доступное культурное многообразие современного мира, его инклюзивность через включение в открытое социальное пространство многих ранее исключенных (в некоторых случаях геттоизированных) групп [29], его трансгрессивность посредством размытия или даже разрушения границ [30]. Постепенно истончаются и пропадают границы нормы и девиации. Информационная открытость, высокая мобильность, гибридность ценностного ядра общественного и политического пространства [31], насыщенность цифровой среды предоставляют широчайший выбор для молодого человека в «супермаркете стилей» [32], но и отношение к данному выбору прагматично, инициировано локально личными интересами и потребностями, а зачастую и игровыми мотивами [33]. В итоге «социальный серфинг» является воплощением не столько стратегии жизни, сколько стратегии игры в жизнь, где можно, закончив уровень, начать все заново с новым персонажем и новыми целями и установками. Последовательное включение в отдельные субкультурные сообщества позволяет «серферу» успешно реализовывать эту игру, поскольку «всякая субкультура – это игра в воплощение идеала, в котором имеет место дистанцированность от наличной действительности в область идеального и желаемого» [34, с. 114].

Интересные результаты представлены по итогам крупного исследования, проведенного в конце 2016 года Сбербанком России совместно с агентством Validata. Для получения данных были проведены 18 фокус-групп с

детьми и молодежью в возрасте от 5 до 25 лет, 5 фокус-групп с родителями, ряд глубинных интервью с родителями и с учителями-экспертами, анализ блогов молодых людей из разных городов России, а также экскурсии (например, в Барнауле и Саратове)¹. Обзор результатов, приведенных в исследовании, показывает, что в настоящее время в России социальный серфинг представляет собой релевантное явление исходя из основных групп жизненных установок молодежи. Полученные данные показывают, что поверхностность, высокая горизонтальная мобильность, страх перед выбором одного пути, ощущение проницаемости сообществ и желание быть разным, пробовать все и жить сегодняшним днем, т. е. установки, соответствующие стратегии социального серфинга, характерны для большинства молодых россиян.

Лишь в последние 5 лет, наконец, появляются работы, посвященные непосредственному анализу феномена социального серфинга молодежи. Одна из немногочисленных работ – публикация В. И. Ильина, где он рассматривает социальный серфинг и жизненную колею как стратегии молодежи, находящиеся в отношении дихотомии. Он указывает, что одной из проблем социальной мобильности, не получившей должного внимания в научной литературе, является влияние прошлого пути индивидов на их жизненные траектории в настоящем и будущем, и предлагает в качестве инструмента анализа этой проблемы использовать категории жизненной колеи и социального серфинга. «Первая категория фокусирует внимание на совокупности внешних и внутренних факторов, которые увязывают прошлое индивида и его настоящее вкупе с будущим в одну относительно логически стройную траекторию ...Категория социального серфинга фокусирует внимание на внешних и внутренних факторах, которые позволяют совершать действия, не предопределенные прошлым, и легко менять маршруты передвижения в социальном пространстве» [7, с. 66–67]. Автор акцентирует внимание на противопоставлении структуры и индивидуальности и уделяет внимание методологическому обоснованию идеи колеи как типичной стратегии индустриального общества, описывая на этом основании социальный серфинг как стратегию, типичную для современной «текучей» социальности. Приведем здесь его высказывание: «В рамках такой стратегии индивид стремится не к заветной вершине своей жизни, а к поиску новых впечатлений, новых вариантов самореализации. Это движение от одного жизненного проекта к другому. Движущей силой такой стратегии является не логика социальных институтов, прописывающая

¹ 30 фактов о современной молодежи [Электрон. ресурс] // Сбербанк. Режим доступа: http://www.sberbank.ru/common/img/uploaded/files/pdf/youth_presentation.pdf (дата обращения: 01.06.2020).

поступательное движение по ступеням вверх, а свободная деятельность и воля индивида. Он живет, стремясь по мере возможности игнорировать социальные структуры, ограничивающие его мобильность. Единицей такой стратегии является проект как план достижения конкретной цели в ограниченный отрезок времени. В качестве проектов может выступать окончание университета, поездка в путешествие, успешный роман, смена квартиры, города или страны, брак. При этом проектные выстраиваются в логически взаимосвязанные ступени одной лестницы, ведущей вверх. Индивид меняет рабочие места, города, страны, профессии. Он идет от проекта к проекту. В каждый момент времени его увлекает какой-то проект, но завтра он может быть забыт, а все внимание будет занято новым более привлекательным проектом. Предпосылкой возможности социального серфинга является минимальная укорененность индивида в каких-либо структурах» [7, с. 76]. В. И. Ильин, резонно отмечает горизонтальный характер социального серфинга, в противоположность вертикальной ориентации колен. Здесь, как и в еще одной более поздней своей работе [8], он предпринимает попытку рассмотреть сферы деятельности социального серфинга, делая акцент на образовательной и профессиональной, также упоминается и интимная сфера, и территориальный критерий, что заставляет предположить, что автор не разделяет социальный серфинг и другие виды неинституциональной мобильности, при этом упуская из виду, что, во-первых, в рамках современных институций социальный серфинг может быть реализован как горизонтальная мобильность, во-вторых, не каждая мобильность имеет характер скольжения. Сомнение вызывает и отождествление социального серфинга с дауншифтингом, обозначенное в рассматриваемой работе.

Еще одна работа, посвященная непосредственно исследованию социального серфинга, предлагает весьма интересный ракурс его оценки в разрезе православной этики. Дается трактовка феномена социального серфинга среди молодежи с точки зрения соответствующих духовно-нравственных категорий. С. Н. Семянников делает вывод о принадлежности социального серфинга к проявлениям духовно-нравственного конформизма и беспринципности как аспектов секуляризации сознания. В заключение указывается, что в современных условиях возросла роль духовно-нравственного воспитания личности и даются рекомендации по преодолению нарастающей тенденции социального скольжения [9].

Социальный серфинг как явление – это уже не частное или исключительное событие, а феномен фундаментального характера. Он олицетворяет современное состояние социального мира, демонстрирует основополагающие универсальные тенденции в области организации и способов коммуни-

цирования культурных групп нового типа, составляющих сегодня обширную сетевую структуру, которую в терминах современной науки можно обозначить как глобальное социальное пространство.

Материалы и методы

При выработке концептуальных положений содержания, а также для формулировки дефиниции понятия «социальный серфинг» было проведено обзорное исследование научных источников. Поиск и подбор исследований по проблеме социального серфинга молодежи подразумевал работу с международными базами данных: Scopus, WoS, РИНЦ, Google–Academia.edu, ERIH. Поисковый запрос включал ключевые слова и словосочетания в русскоязычном сегменте: «социальный серфинг», «серфинг», «социальная мобильность», «стратегия мобильности», а также англоязычный запрос: «social surfing», «social mobility». Анализировались работы за период с 2000 по 2019 годы, всего было проанализировано порядка 400 работ.

Для решения задачи, связанной с объективным анализом актуальной ситуации по уровню склонности молодежи к социальному серфингу, применялась авторская психодиагностическая методика, состоящая из трех блоков: ассоциативного, кейсового и блока семантической оценки. В методику включены пять историй, две из которых описывают яркие гендерные примеры демонстрации социального серфинга, а остальные – иные жизненные сценарии человека:

- 1) мужская история социального серфинга, описывающая последовательное «скольжение» и смену нескольких культурных сообществ;
- 2) женская история социального серфинга, описывающая последовательное «скольжение» и смену трех культурных сообществ;
- 3) мужская история построения профессиональной карьеры, где герой активно использует предыдущий опыт для построения эффективных социальных контактов и ведения бизнеса; присутствуют элементы смены профессионального выбора на этапе профессионального обучения;
- 4) женская история построения профессиональной карьеры с элементами развития романтических отношений, где герою удастся сочетать предпринимательскую деятельность и хобби; присутствуют элементы территориальной мобильности;
- 5) мужская история сверхнормативной вовлеченности в профессию и построения успешной профессиональной карьеры, которая сочетается с общностью интересов внутри семьи.

По инструкции респондентам предлагается внимательно прочитать каждую историю и написать ассоциации, которые у них спонтанно

возникают (2–3 прилагательных, глагола или словосочетания). На втором этапе каждая из историй оценивается респондентом по принципу семантического дифференциала – в специальном бланке отмечается позиция на шкале наличия или отсутствия сходства, иллюстрирующая мнение человека по поводу 11 пар дихотомически подобранных характеристик. Так, свое отношение к событиям, описанным в истории, участник исследования демонстрирует в оценках таких параметров как: правильный – неправильный, сильный – слабый, современный – устаревший, счастливый – несчастный, динамичный – статичный, перспективный – неперспективный, ведущий – ведомый, вызывает желание подражать – не вызывает желание подражать, хотел бы общаться с ним – не хотел бы общаться с ним, является примером для меня – не является примером для меня. На третьем этапе работы предлагается выбрать из всех историй две наиболее похожие друг на друга, а также отметить по одной ситуации, которая, по мнению респондента, наиболее позитивна и негативна соответственно [35].

Сбор данных проводился в шести городах Российской Федерации – Екатеринбург, Челябинск (Уральский федеральный округ), Казань, Глазов и Ульяновск (Приволжский федеральный округ), Новосибирск (Сибирский федеральный округ). Общая численность выборки составила – 510 человек. Возраст респондентов – от 18 до 27 лет, женщин – 68 %, мужчин – 32 %.

Полученные данные обрабатывались с помощью статистического пакета анализа данных IBM Statistics SPSS 19.0, были использованы – дескриптивная статистика, частотный анализ, сравнительный анализ (критерий Краскала-Уоллиса для сравнения нескольких независимых выборок, критерий Т-Виклоксона для сравнения двух связанных выборок).

Результаты исследования

Для ответа на первый поставленный исследовательский вопрос нами были проанализированы ответы респондентов, касающиеся общей оценки всех пяти историй и выделении среди них положительной и отрицательной. Обобщение полученных результатов позволило дифференцировать четыре возможных варианта: одобрение (выбор в качестве положительной одной из историй, описывающих социальный серфинг), осуждение (выбор в качестве отрицательной одной из историй, описывающих социальный серфинг), нейтральное отношение (выбор в качестве положительной и отрицательной других историй, не описывающих социальный серфинг) и неоднозначное отношение (выбор и в качестве положительной, и в качестве отрицательной истории, описывающие социальный серфинг). Частотный анализ, проведен-

ный на общей выборке, выявил процентное распределение данных, представленное на рис. 1.

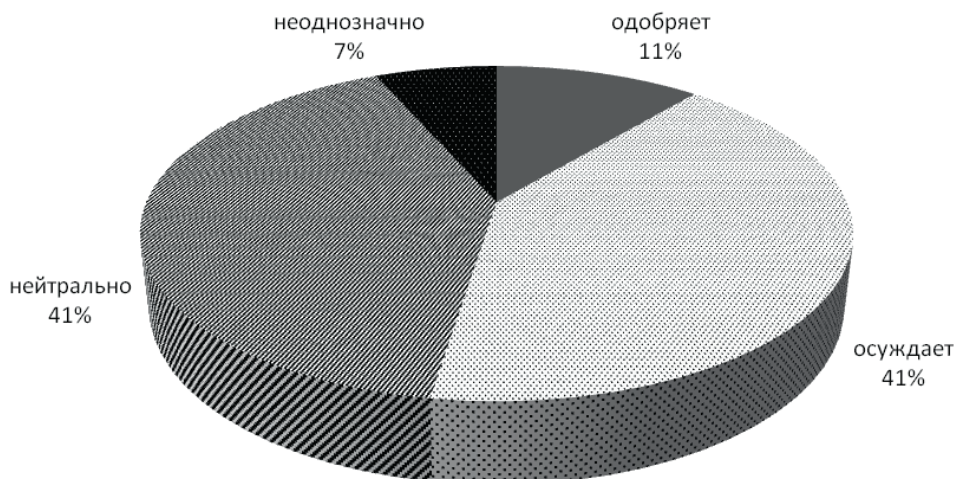

Рис. 1. Процентное распределение ответов респондентов, иллюстрирующих отношение к социальному серфингу

Fig. 1. Percentage distribution of the respondents' answers, illustrating the attitude to social surfing

Так, более 40 % опрошенных считают модели поведения, содержащие социальный серфинг неприемлемыми, они осуждают героев этих историй, дают негативную оценку их поступкам и принятым решениям. Более 40 % респондентов вообще не выделяют истории с социальным серфингом, не давая им ни положительную, ни отрицательную оценку. Однако 11,2 % юношей и девушек оценивают подобную модель как положительную и допускают похожие варианты выбора собственной жизненной траектории. 6,6 % участников исследования на первый взгляд дают противоречивые результаты – одобряют одну историю с социальным серфингом и осуждают другую, однако более глубокий анализ их ответов позволяет предположить, что в целом они скорее поддерживают стратегию серфинга, а негативная оценка скорее связана либо с фактором пола героя истории, либо с личным субъективным опытом нахождения в схожих ситуациях.

Анализ отношения молодежи к социальному серфингу с учетом места проживания представлен на рис. 2.

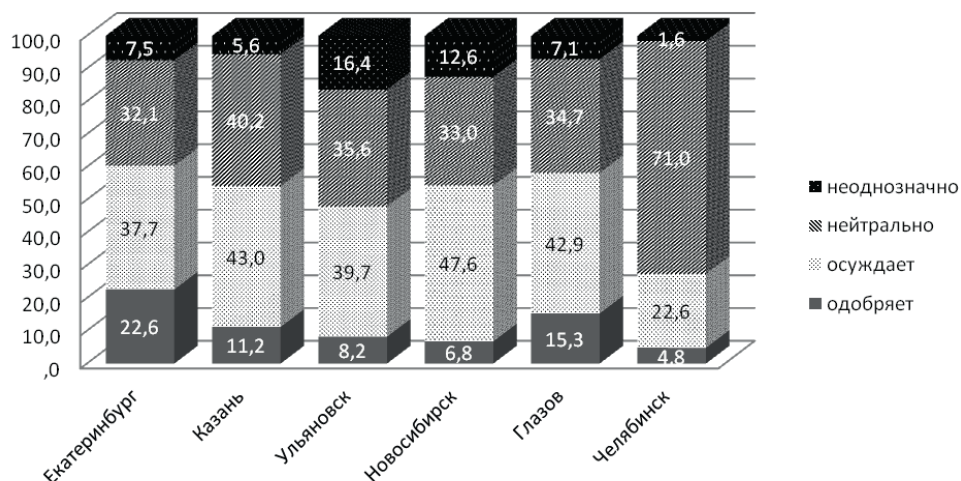

Рис. 2. Процентное распределение ответов респондентов, иллюстрирующих отношение к социальному серфингу с учетом места проживания

Fig. 2. Percentage distribution of the respondents' answers, illustrating the attitude to social surfing, taking into account the place of residence

Наибольший процент молодежи, одобряющей социальный серфинг, проживает в Екатеринбурге (22,6 % от всех опрошенных в данном городе), наименьший – в Челябинске (4,8 %) и Глазове (6,8 %). В большей степени осуждают модель поведения с социальным серфингом представители молодежного сообщества Новосибирска (47,6 %), меньше всего таких респондентов в Челябинске (22,6 %). Чаще всего нейтральное отношение встречается среди опрошенных Челябинска (71 %), в остальных городах этот процент колеблется от 32,1 % до 40,2 %. Противоречивые ответы относительно одобрения и одновременно осуждения данной стратегии поведения в большей степени характерны для Ульяновска (16,4 %) и почти не встречаются среди молодежи, проживающей в Челябинске.

Анализ историй по 11 содержательным дихотомическим характеристикам (правильный – неправильный, сильный – слабый, современный – устаревший, счастливый – несчастный, динамичный – статичный, перспективный – неперспективный, ведущий – ведомый, вызывает желание подражать – не вызывает желание подражать, хотел бы общаться с ним – не хотел бы общаться с ним, является примером для меня – не является примером для меня) с учетом места проживания респондентов, также показал

специфичность ответов данных групп. Так, результаты по первой истории, содержащей описание женской модели социального серфинга, представлены на рис. 3.

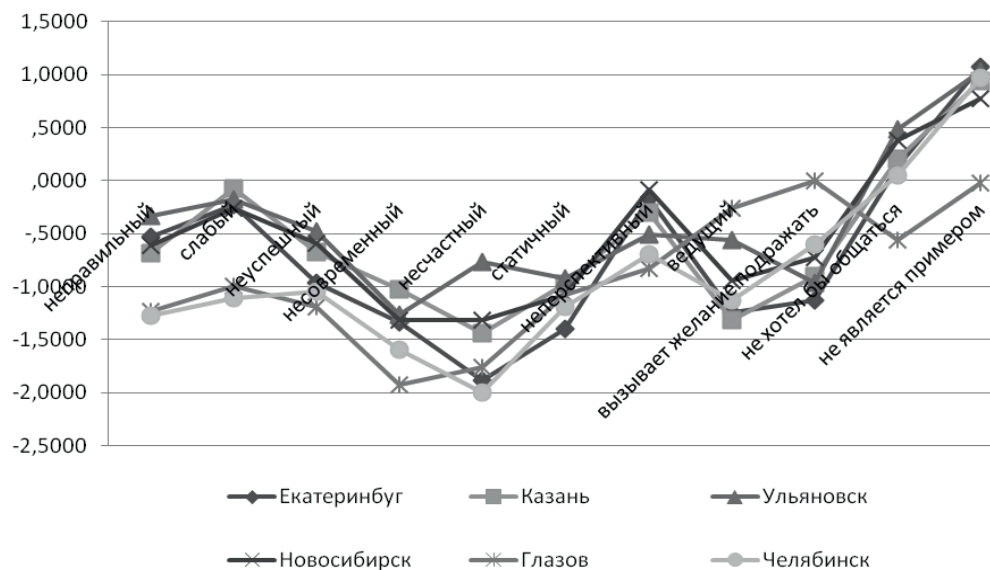

Рис. 3. Профили средних значений содержательной оценки истории, описывающей женскую модель социального серфинга

Fig. 3. Profiles of mean values of meaningful assessment of history, describing the female model of social surfing

В целом график средних значений имеет одинаковые пики, однако градация оценок у девушек и юношей, проживающих в разных городах достаточно специфична. Так, данные дескриптивной статистики показывают, что молодежь, проживающая в Челябинске и Глазове более склонна оценивать стратегию поведения с элементами социального серфинга как неправильную, а также считает ее демонстрацией слабости и бессилия. Молодежь, проживающая в Ульяновске, считает, что социальный серфинг – это достаточно динамичная жизненная стратегия в сравнении с мнением представителей данной возрастной группы из других городов. Жители Глазова в меньшей степени готовы подражать людям, демонстрирующими социальный серфинг, не готовы к общению с ними и менее склонны брать данную модель в качестве ориентира для выстраивания собственной жизненной стратегии. Сравнительный анализ (использовался критерий Крускала-Уоллиса для нескольких независимых выборок) подтвердил обнаруженные за-

кономерности, уровень значимости различий по всем 11 характеристикам колеблется от 0,000 до 0,040.

Профиль средних значений по второй истории, содержащей описание мужской модели социального серфинга, представлен на рис. 4.

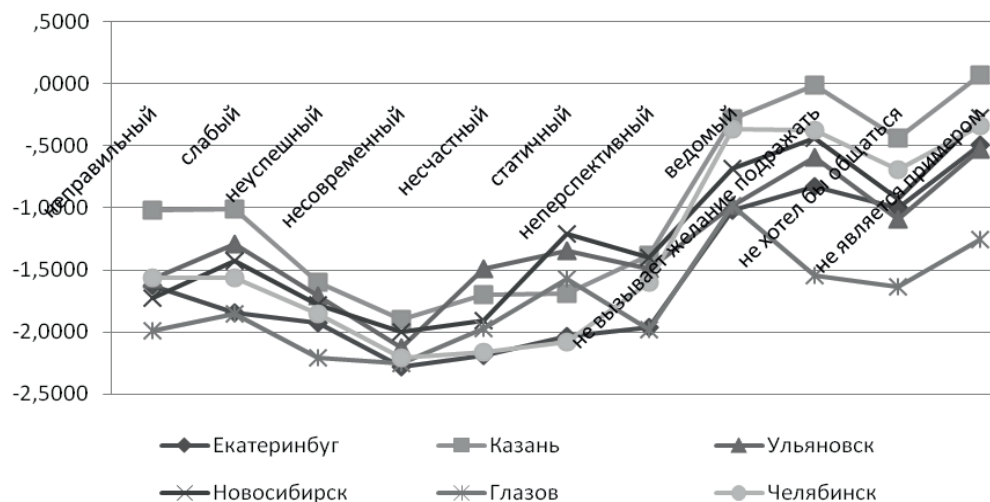

Рис. 4. Профили средних значений содержательной оценки истории, описывающей мужскую модель социального серфинга

Fig. 4. Profiles of mean values of meaningful assessment of history, describing the male model of social surfing

График средних значений по истории, описывающей мужскую модель социального серфинга, также имеет схожие пики. В целом можно заметить, что показатели оценок молодежи, проживающей в Глазове, более всего тяготеют к полюсу крайне отрицательных значений. Так, они считают, что герой истории демонстрирует неправильную модель поведения, он слабый и неуспешный. При этом, в сравнении с мнением респондентов других групп, жители Глазова меньше всего хотят общаться с таким человеком, он не является для них примером для подражания. Более лояльны в своих оценках респонденты, проживающие в Казани. Так, они единственные из всех групп допускают, что демонстрируемые в истории примеры социального серфинга могут быть использованы ими в собственной жизни и возможны для выбора в качестве ориентиров для подражания. Сравнительный анализ (использовался критерий Крускала-Уоллиса для нескольких независимых выборок) подтвердил обнаруженные закономерности, уровень значимости по всем 11 характеристикам колеблется от 0,000 до 0,044.

Сравнительный анализ показателей оценок характеристик историй с социальным серфингом между собой показал, что отношение молодежи к мужской и женской истории различаются (табл. 1).

Таблица 1

Результаты сравнительного анализа отношения молодежи к женской и мужской истории с социальным серфингом (Т-критерий Вилкоксона)

Table 1

The results of a comparative analysis of the attitude of young people to women's and men's history with social surfing (the Wilcoxon's test)

Характеристика истории	Т-критерий Вилкоксона	Уровень значимости	Направление различий: характеристика преобладает в
Правильный	-8,026	0,000	Мужская модель
Слабый	-9,743	0,000	Женская модель
Успешный	-11,193	0,000	Мужская модель
Современный	-8,654	0,000	Мужская модель
Несчастный	-5,154	0,000	Женская модель
Статичность	-5,366	0,000	Женская модель
Перспективный	-11,145	0,000	Мужская модель
Ведомый	-11,653	0,000	Женская модель
Вызывает желание подражать	-10,777	0,000	Мужская модель
Хотел бы общаться с ним	-9,376	0,000	Мужская модель
Является примером для меня	-9,654	0,000	Мужская модель

Таким образом, респонденты считают, что поведение героя в истории с мужской моделью социального серфинга более правильное, они отмечают его успешность и перспективность. При этом, в сравнении с историей женского серфинга, в мужской модели обнаруживаются более высокие показатели по желанию подражать герою, стремлению к общению с ним и использованию в качестве ориентира при принятии собственных жизненных решений. Женская модель отличается такими характеристиками, как слабость, статичность. Опрошенные указывают на ведомую позицию героини и отсутствие у нее счастья.

Обсуждение

Выделяются несколько наиболее интересных закономерностей, требующих дальнейшего обсуждения. Результаты показывают, что лояльность к стратегии социального серфинга оказывается выше как в крупных городах

с большим числом жителей (Екатеринбург, Казань), так и городах с населением менее 1 миллиона человек (Глазов).

Вероятно, такая ситуация в городах-миллионниках связана не только с числом жителей, но с общим состоянием социального пространства в этих городах: для них характерно высокое разнообразие и динамичность культурного фона как с точки зрения «классических» (национальных, религиозных, политических) оснований, так и богатая палитра современных досуговых, субкультурных явлений (поддержка молодежью специфических активностей, богатый репертуар сцен и соответствующих им практик, что также подтверждается в исследовании Центра молодежных исследований)¹. Очевидно, склонность к социальному серфингу определяется не только индивидуальными особенностями, но и контекстуальными условиями, которые предлагает молодежи город с его коммуникативными возможностями и вызовами. Вероятно, важным контекстуальным условием является возможность легко уходить от одного сообщества к другому, оставаться там не узнанным. При этом и состояние молодежных сообществ в городе играет важную роль: сохранение ортодоксальной закрытости, строгих требований к качеству членства, соблюдению правил и норм, низкая проницаемость и изолированность сообщества, характерные для субкультуры в конце 90-х и начале 2000-х годов, в тем меньше ощущаются в молодежной среде, чем больше город. Тенденция проницаемости, открытости, а также неконформные тенденции в функционировании молодежных общностей (а, как показано в исследовании I. I. Ishmuradova и др. [36], значимость неконформизма в развитии общества и личности, его инновационный потенциал для создания и развития новых социальных ценностей, моделей поведения и нравственных норм весьма высоки в динамично меняющемся мире, при этом различные формы проявления неконформизма определяют особенности современных молодежных субкультур и их социализирующий потенциал) становятся условием распространения социального серфинга.

Чем меньше город, тем в большей степени местные сообщества, с одной стороны, сохраняют ортодоксальность, а с другой – тем сложнее серфингующему человеку затеряться и избежать излишнего внимания к переходам от общности к общности. Как отмечает Ю. А. Балюшина, население малых российских городов обладает относительно невысоким уровнем образования, что определяет избираемые ими культурные практики (отлича-

¹ Созидательные поля межэтнического взаимодействия и молодежные культурные сцены российских городов: результаты исследования (2015–2019 гг.) / составители: Ю. Субботина, А. Выговская, А. Саблина [Электрон. ресурс]. Санкт-Петербург: Центр молодежных исследований, 2019. 32 с. Режим доступа: <http://sh.spb.hse.ru/youth/rnf/paper> (дата обращения: 01.06.2020).

ющиеся непритязательностью, простотой, традиционностью и ориентацией на принцип «как все»). Те представители молодого поколения, которые стремятся к инновациям и новому опыту (соответственно, потенциально заинтересованные в стратегии социального серфинга), через межпоколенческие конфликты и консервативность культурной среды малого города вытесняются из его сообщества и мигрируют в другие города/страны [37].

Во многих отношениях интернет сегодня уравнивает молодежь из городов с разным количеством населения. Благодаря интернету молодые люди, наряду с их непрерывным процессом адаптации к цифровой вселенной, изменили свой способ получения актуальной и значимой для них информации, а также участия в качестве цифровых граждан в гражданских акциях [38] или вхождения в качестве членов в виртуальные субкультурные сообщества [39].

Однако плотность и характер коммуникации все же играют обуславливающую роль. Важно и наличие выбора, и возможность его изменения. Интересно, что второй по уровню одобрения социального серфинга оказался Глазов, хотя он значительно уступает другим городам из перечня по числу жителей. Вероятно, значение имеет многонациональность, а также высокий уровень социальной мобильности, обусловленный экономическими контекстами жизни этого населенного пункта: в городе, испытывающем давление на рынок труда со стороны крупных мегаполисов (Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга, Перми, Челябинска, Кирова, Казани)¹, сокращаются рабочие места, для горожан типично менять профиль деятельности, переезжать, изменяя не только локацию жизнедеятельности, но и социальное окружение.

Вторая интересная тенденция – это гендерные различия, связанные с одобрением и неодобрением серфинга. Исследование показало, что фигура серфера-мужчины значительно меньше осуждается в сравнении с фигурой женщины, прибегающей к той же стратегии. Это идет в разрез с традиционным представлением о желательности таких маскулинных качеств, как стабильность, обязательность, твердость убеждений и тому подобное. В то же время для женщины изменчивость, гибкость, конформность во взглядах всегда считались практически естественными. Однако обнаруженная тенденция соответствует тем трансформациям, которые происходят в современном обществе. Как отмечает И. С. Кон, «Ломка традиционного гендерного порядка порождает многочисленные социально-психологические проблемы и трудности, причем мужчины и женщины испытывают давление

¹ План стратегического развития муниципального образования «Город Глазов» на период до 2025 года [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://glazov-gov.ru/city/economy/social_economy_development (дата обращения 01.06.2020).

в противоположных направлениях. Вовлеченные в общественное производство и политику женщины вынуждены развивать в себе необходимые для конкурентной борьбы «мужские» качества (настойчивость, энергию, силу воли), а мужчины, утратив свое некогда бесспорное господство, вырабатывать традиционные «женские» качества – способность к компромиссу, эмпатию, умение ставить себя на место другого» [40, с. 39].

Между тем, результаты нашего исследования показывают, что именно женская история осуждается более мужской. Вероятно, такая ситуация связана с распределением качеств, характеризующих серфера, применительно к доминирующим ролям, которые молодежь закрепляет за разными гендерами. Так, для семейной жизни, роли матери и жены неустойчивость может быть расценена как препятствующий фактор. Между тем, мужчина в качестве добытчика, человека, зарабатывающего деньги, в современных условиях должен быть гибким, быстро приспосабливаться, менять сферы активности, «крутиться», что очень хорошо вписывается в образ серфера.

Интересными оказываются и результаты с точки зрения принадлежности исследуемой молодежи к сфере образования. Процент молодежи, осуждающей серфинг, достаточно высок в сравнении с теми, кто ее поддерживает, что в целом говорит о достаточно высокой потенциальной стабильности в профессии. Можно надеяться, полученное образование и намеченная с ним профессиональная траектория будущих педагогов будет во многом сохраняться, мы получим плановое число специалистов. Вместе с тем, в ряде городов, процент поддерживающих серфинг хоть и меньше тех, что его отвергают или относятся нейтрально, но все же весьма заметен и достигает 22 %, что создает некоторые риски:

- оттока молодых специалистов из образовательной среды;
- при условии сохранения своей профессиональной канвы наряду со склонностью к серфингу возникает риск трансляции ценностей, сопутствующих серфингу или его излишней популяризации в школьной среде;
- риск снижения темпов наращивания социального капитала, потеря плотности продолжительных коммуникативных связей в профессии (поскольку серфер после перемещения в новое сообщество их не поддерживает);
- риски потери или игнорирования профессионального опыта в педагогической сфере у склонных к серфингу;
- трудности в формировании персональной педагогической концепции.

Вместе с тем, склонность к серфингу сопутствует и позитивным профессиональным явлениям – адаптивности, высокой профессиональной мобильности в ситуациях кризисов; внутрипрофессиональной мобильности (что позволит в условиях запросов на определенных специалистов обеспечить такую потребность за счет высокоомобильных молодых педаго-

гов смежных направлений); поддержанию рынка образовательных услуг и реализации концепции *longlifelearning* за счет подвижных молодых кадров; поддержке междисциплинарных инициатив и связей (серфер, хоть и склонен игнорировать прошлый опыт, все же не может полностью отказаться от него на уровне представлений о тех или иных нишах, набирает знания о специфике работы в разных сферах и способен при желании их применить).

Заключение

Отметим, что в рамках ответа на первый исследовательский вопрос об отношении представителей молодежи к стратегии социального серфинга было обнаружено, что данная стратегия поддерживается и одобряется более чем 10 % студенческой молодежи в изученных регионах России. Однако присутствует определенная региональная специфика: наиболее лояльны по отношению к стратегии социального серфинга молодые жители Екатеринбурга, Глазова и Казани, тогда как молодежь Ульяновска и Челябинска относится к данной стратегии нейтрально или неоднозначно, а практически половина респондентов из Челябинска – отрицательно. Это дает ответ на второй исследовательский вопрос о наличии специфики в отношении к стратегии социального серфинга в зависимости от региона проживания представителей молодежи.

При ответе на третий исследовательский вопрос о присутствии различия в оценке гендерных моделей социального серфинга было выявлено, что отношение к мужской и женской моделям социального серфинга неравномерно. При относительно снисходительном отношении к мужской модели, социальный серфинг женщин не одобряется и связывается с слабостью, ведомостью, отсутствием счастья и статичностью в развитии. Вместе с тем, профили оценки мужской и женской модели имеют общие черты в каждом из принимавших участие в исследовании регионов.

Следует отметить, что социальный серфинг как социальная стратегия жизнеосуществления молодежи имеет ряд рисков, среди которых вероятность оттока молодых специалистов из профессиональных областей, риск трансляции ценностей, сопутствующих серфингу или его излишней популяризации, риск снижения темпов наращивания социального капитала в регионе, потери плотности продолжительных коммуникативных связей в профессии, риск потери или игнорирования профессионального опыта старших поколений. Выделение указанных проблемных зон позволило ответить на четвертый исследовательский вопрос о рисках социального серфинга при условии распространенности в молодежной среде.

Представленное в статье исследование имеет ряд ограничений: 1) изучалась российская студенческая молодежь (имеющая определенный культурно-образовательный уровень); 2) ограниченное число регионов, в которых проводилось исследование; 3) специфика выборки – студенты, обучающиеся в педагогических вузах.

Это подтверждает актуальность дальнейшего исследования проблемы социального серфинга в молодежной среде, а также побуждает к разработке технологий работы с рисками, которые создает эта стратегия для молодежи и национальной безопасности в целом.

Список использованных источников

1. Дубовская Е. М. Транзитивность общества как фактор социализации личности [Электрон. ресурс] // Психологические исследования. 2014. Т. 7, № 36. С. 7. Режим доступа: <http://psystudy.ru/index.php/num/2014v7n36/1018> (дата обращения: 01.06.2020).
2. Марцинковская Т. Д., Киселева Е. А. Социализация и аккультурация в транзитивном пространстве [Электрон. ресурс] // Психологические исследования. 2018. Т. 11, № 62. С. 10. Режим доступа: <http://psystudy.ru/index.php/num/2018v11n62/1652-kiseleva62.html> (дата обращения: 01.06.2020).
3. Воробьева И. В., Кружкова О. В., Симонова И. А. Социальный серфинг: специфика ценностных ориентаций молодежи в современном обществе [Электрон. ресурс] // Педагогическое образование в России. 2015. № 5. С. 45–50. Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23599991> (дата обращения: 01.06.2020).
4. Воробьева И. В., Кружкова О. В., Симонова И. А., Кривошекова М. С. Социализация и развитие социального серфинга современной молодежи в контексте гражданской субъектности [Электрон. ресурс] // Педагогическое образование в России. 2016. № 12. С. 231–237. Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28121111> (дата обращения: 01.06.2020).
5. Делёз Ж., Гваттари Ф. Ризома // Тысяча плато: Капитализм и шизофрения / Пер. с франц. и послесл. Я. И. Свирского; Науч. ред. В. Ю. Кузнецов. Екатеринбург: У-Фактория; Москва: Астель, 2010. С. 6–46.
6. Симонова И. А. Социальный серфинг: выбор не выбирать [Электрон. ресурс] // Человек перед выбором в современном мире: проблемы, возможности, решения: Материалы Всероссийской научной конференции 27–28 октября 2015 года, ИФ РАН (Москва). В 3-х т. Т. 2 / Под общ. ред. д-ра филос. наук, проф. М. С. Киселевой. Москва: Научная мысль, 2015. С. 264–267. Режим доступа: https://iphras.ru/uplfile/root/biblio/kiseleva_2015/Kiseleva_2015_2.pdf (дата обращения: 01.06.2020).
7. Ильин В. И. Жизненная колея и социальный серфинг как модели социальной мобильности [Электрон. ресурс] // Sociotime / Социальное время. 2017. № 2 (10). С. 66–81. Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=32378825> (дата обращения: 01.06.2020).
8. Ильин В. И. Социальный серфинг как модель молодежного образа жизни // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 1 (149). С. 28–48. DOI: 10.14515/monitoring.2019.1.02
9. Семянников С. Н. Социальный серфинг как показатель деформации нравственных ценностей в воспитании подростков [Электрон. ресурс] // Дискуссия. 2017. № 8 (82). С.

84–90. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnyy-serfing-kak-pokazatel-deformatsii-nravstvennyh-tsennostey-v-vozpitanii-podrostkov> (дата обращения: 01.06.2020).

10. Бауман З. Глобализация: Последствия для человека и общества / Пер. М. А. Коробочкина. Москва: Весь Мир, 2004. 188 с.

11. Бауман З. Текучая современность / Пер. С. Комаров и Ю. Асочаков. Санкт-Петербург: Питер, 2008. 240 с.

12. Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе / Пер. с англ. А. Матвеева под ред. В. Харитонов. Екатеринбург: У-Фактория (при участии Гуманитарного ун-та), 2004. 328 с.

13. Урри Дж. Социология за пределами обществ: виды мобильности для XXI столетия / пер. с англ. Д. Кралечкина. Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. 336 с.

14. Харламов Н. А. Пространство мобильного мира [Электрон. ресурс] // Отечественные записки. 2012. № 5 (50). С. 95–108. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/oz/2012/5/13h.html> (дата обращения: 01.06.2020).

15. Urry J. Mobilities. London: Polity, Cambridge: Polity Press, 2007. 336 p.

16. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну [Электрон. ресурс] / Пер. с нем. В. Седелника и Н. Федоровой; Послесл. А. Филиппова. Москва: Прогресс-Традиция, 2000. 384 с. Режим доступа: <https://fil.wikireading.ru/59496> (дата обращения: 01.06.2020).

17. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Пер. с англ. Под науч. ред. О. И. Шкаратана. Москва: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.

18. Ekström M. Young people's experiences of political membership: from political parties to Facebook groups // Information Communication and Society. 2019. Vol. 22, № 2, P. 155–171. DOI:10.1080/1369118X.2017.1358294

19. Schippers M. C., Ziegler N. Life Crafting as a Way to Find Purpose and Meaning in Life // Frontiers in Psychology. 2019. Vol. 10. P. 2778. DOI: 10.3389/fpsyg.2019.02778

20. Войскунский А. Е. Современные тенденции киберпсихологических исследований // Цифровое общество в культурно-исторической парадигме / Под ред. Т. Д. Марцинковской, В. Р. Орестовой, О. В. Гавриченко. Москва: Московский педагогический государственный университет, 2019. С. 6–13.

21. Vikulov A. K., Plotnikova T. V., Shevchenko L. V., Shtofer L. L., Spektor L. A. Citizenship in the structure of socio-political orientations of Russian youth: Place and role in statehood strengthening // Humanities and Social Sciences Reviews. 2019. Vol. 7, № 5. P. 744–749. DOI: 10.18510/hssr.2019.7592

22. Loreto Martinez M., Cumsille P. Differences in profiles of identity and purpose between civically engaged and not engaged youth // TPM - Testing, Psychometrics, Methodology in Applied Psychology. 2019. Vol. 26, № 4. P. 589–600. DOI: 10.4473/TPM26.4.7

23. Попова С. М., Шахрай С. М., Яник А. А. Изменения прогресса. Москва: Наука, 2010. 272 с.

24. Журавлев А. А., Юревич А. В. Коллективные смыслы как предпосылка личного счастья [Электрон. ресурс] // Психологический журнал. 2014. Т. 35. № 1. С. 5–15. Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21279597> (дата обращения: 01.06.2020).

25. Аношкин И. В., Сычев О. А. Связь семейных ценностей молодежи с гедонизмом и эвдемонией // Образование и наука. 2019. № 21 (8). С. 90–111. DOI: 10.17853/1994-5639-2019-8-90-111

26. Леонтьев Д. А. Счастье и субъективное благополучие: к конструированию понятийного поля // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2020. № 1. С. 14–37. DOI: 10.14515/monitoring.2020.1.02

27. Леонтьев Д. А. Счастье за пределами благополучия [Электрон. ресурс] // Психологическая газета. 2020. 21 января 2020. С. 1. Режим доступа: <https://psy.su/feed/7887/> (дата обращения: 01.06.2020).
28. Аргайл М. Психология счастья. 2-е изд. Санкт-Петербург: Питер, 2003. 271 с.
29. Albanesi C., Guarino A., Zani B., Cicognani E., Tzankova I. Civic engagement in a changing world: Does it contribute to the development of global citizenship? // TPM - Testing, Psychometrics, Methodology in Applied Psychology. 2019. Vol. 26, № 4 (Special Issue). P. 495–511. DOI: 10.4473/TPM26.4.1
30. Разинов Ю. А. Состояние постмаргинальности // Международный журнал исследований культуры. 2020. № 1 (38). С. 6–21. DOI: 10.24411/2079-1100-2020-00001
31. Руденкин Д., Логинов А. Идеология в обществе позднего модерна: исчезновение или трансформация? // Социологическое обозрение. 2018. Т. 17. № 3. С. 197–220. DOI: 10.17323/1728-192X-2018-3-197-220
32. Muggleton D. Inside Subculture: The Postmodern Meaning of Style. Oxford. Oxford; New York: Berg, 2002. 198 p.
33. Vázquez J.-L., Lanero A., Gutiérrez P., García M.-P. Expressive and instrumental motivations explaining youth participation in non-profit voluntary associations: an application in Spain // International Review on Public and Nonprofit Marketing. 2015. Vol. 12, № 3. P. 237–251. DOI: 10.1007/s12208-015-0128-5
34. Парийчук А. В. Молодежная субкультура как игра [Электрон. ресурс] // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 35 (289). С. 113–118. Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=18817831> (дата обращения: 01.06.2020).
35. Воробьева И. В., Кружкова О. В. Возможности психодиагностики социального серфинга молодежи // Педагогическое образование в России. 2018. № 1. С. 191–196. DOI: 10.26170/po18-01-35
36. Ishmuradov I. I., Grebennikov V. V., Krokchina J. A., Pavlenko E. M., Makarova E. V., Solovyeva N. A. Social and philosophic foundations of youth nonconformity in contemporary Russia // European Journal of Science and Theology. 2018. Vol. 14, № 6. P. 143–158. Available from: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36352649> (date of access: 01.06.2020).
37. Балюшина Ю. Л. Культурные практики жителей малых провинциальных городов: социально-философский взгляд (на материалах Вологодской области) [Электрон. ресурс] // Диалоги о культуре и искусстве. Пермь: Пермский государственный институт культуры, 2019. С. 181–186. Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=41308010> (дата обращения: 01.06.2020).
38. Del Carmen García Galera M., Fernández Muñoz C., Del Hoyo Hurtado M. Ciudadanía informada, ciudadanía participativa. La movilización de los jóvenes en el entorno digital // Revista Prisma Social. 2017. № 18. P. 124–143. Available from: <https://revistaprismasocial.es/article/view/1441> (date of access: 01.06.2020).
39. Фоломеева Т. В., Винокуров Ф. Н., Нагорнова В. В. Потребительское поведение как индикатор принадлежности к субкультуре [Электрон. ресурс] // Психология субкультуры: феноменология и современные тенденции развития. Материалы международной научной конференции. Москва: Российский государственный гуманитарный университет, 2019. С. 43–50. Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=42173104> (дата обращения: 01.06.2020).
40. Кон И. С. Мужская роль и гендерный порядок [Электрон. ресурс] // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2008. № 2 (94). С. 37–43. Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=12416817> (дата обращения: 01.06.2020).

References

1. Dubovskaya E. M. Transitivity of society as a factor in the socialization of the individual. *Psikhologicheskie issledovaniya = Psychological Research* [Internet]. 2014 [cited 2020 Jun 01]; 7 (36): 7. Available from: <http://psystudy.ru/index.php/num/2014v7n36/1018> (In Russ.)
2. Martsinkovskaya T. D., Kiseleva E. A. Socialization and acculturation in a transitive space. *Psikhologicheskie issledovaniya = Psychological Research* [Internet]. 2018 [cited 2020 Jun 01]; 11 (62): 10. Available from: <http://psystudy.ru/index.php/num/2018v11n62/1652-kiseleva62.html> (In Russ.)
3. Vorobyeva I. V., Kruzhkova O. V., Simonova I. A. Social surfing: The specificity of the value orientations of youth in modern society. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii = Pedagogical Education in Russia* [Internet]. 2015 [cited 2020 Jun 01]; 5: 45–50. Available from: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23599991> (In Russ.)
4. Vorobyeva I. V., Kruzhkova O. V., Simonova I. A., Krivoshchekova M. S. Socialization and development of social surfing of modern youth in the context of civic subjectivity. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii = Pedagogical Education in Russia* [Internet]. 2016 [cited 2020 Jun 01]; 12: 231–237. Available from: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28121111> (In Russ.)
5. Deleuze G., Guattari F. *Rizoma = Rizoma*. In: Tsytyachy platy: Kapitalizm i shizofreniya = Thousand plateaus: Capitalism and schizophrenia. Translated from French by Ja. I. Svirskij. Ed. by V. Ju. Kuznecov. Ekaterinburg: Publishing House U-Factoria; Moscow: Publishing House Astel; 2010. p. 6–46. (In Russ.)
6. Simonova I. A. Social surfing: A choice not to choose. In: *Chelovek pered vyborom v sovremennoy mire: problemy, vozmozhnosti, resheniya. Materialy Vserossiyskoy nauch. konf. = A Person Facing a Choice in the Modern World: Problems, Opportunities, Solutions. The Proceedings of All-Russian Scientific Conference* [Internet]; Moscow; 2015. Moscow: Publishing House Nauchnaya mysl'; 2015 [cited 2020 Jun 01]; p. 264–267. Available from: https://iphras.ru/uplfile/root/biblio/kiseleva_2015/Kiseleva_2015_2.pdf (In Russ.)
7. Ilyin V. I. Zhiznennaya koleya i sotsial'nyy serfing kak modeli sotsial'noy mobil'nosti = Life track and social surfing as models of social mobility. *Sotsial'noye vremya = SocioTime* [Internet]. 2017 [cited 2020 Jun 01]; 2 (10): 66–81. Available from: <https://elibrary.ru/item.asp?id=32378825> (In Russ.)
8. Ilyin V. I. Sotsial'nyy serfing kak model' molodezhnogo obraza zhizni = Social surfing as a model of youth lifestyle. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny = Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2019; 1 (149): 28–48. DOI: 10.14515/monitoring.2019.1.02 (In Russ.)
9. Semyannikov S. N. Sotsial'nyy serfing kak pokazatel' deformatsii nraivstvennykh tsennostey v vospitanii podrostkov = Social surfing as an indicator of the deformation of moral values in the upbringing of adolescents. *Diskussiya = Discussion* [Internet]. 2017 [cited 2020 Jun 01]; 8 (82): 84–90. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnyy-serfing-kak-pokazatel-deformatsii-nraivstvennykh-tsennostey-v-vospitanii-podrostkov> (In Russ.)
10. Bauman Z. Globalizatsiya: Posledstviya dlya cheloveka i obshchestva = Globalization: Consequences for man and society. Moscow: Publishing House Mir; 2004. 188 p. (In Russ.)
11. Bauman Z. Tekuchaya sovremennost' = Fluid modernity. St. Petersburg: Publishing House Piter; 2008. 240 p. (In Russ.)

12. Castells M. Galaktika Internet: Razmyshleniya ob Internetе, biznese i obshchestve = Galaxy Internet: Reflections on the Internet, business and society. Translated from English by A. Matveev. Ed. by V. Haritonov. Ekaterinburg: Publishing House U-Factoria (with the participation of the University for the Humanities); 2004. 328 p. (In Russ.)
13. Urry J. Sotsiologiya za predelami obshchestv: vidy mobil'nosti dlya XXI stoletiya = Sociology outside societies: Types of mobility for the XXI century. Translated from English by D. Kralechkin. Moscow: Higher School of Economics Publishing House; 2012. 336 p. (In Russ.)
14. Kharlamov N. A. The space of the mobile world. *Otechestvennye zapiski = Domestic Notes* [Internet]. 2012 [cited 2020 Jun 01]; 5 (50): 95–108. Available from: <http://magazines.russ.ru/oz/2012/5/13h.html> (In Russ.)
15. Urry J. Mobilities. London: Polity; Cambridge: Polity Press; 2007. 336 p.
16. Beck U. Obshchestvo riska. Na puti k drugomu modernu = Risk Society. On the way to another modernity [Internet]. Translated from German by V. Sedel'nik and N. Fedorova; Epilogue by A. Filippova. Moscow: Publishing House Progress-Tradicija; 2000 [cited 2020 Jun 01]. 384 p. Available from: <https://fil.wikireading.ru/59496> (In Russ.)
17. Castells M. Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura = Information age: Economics, society and culture. Moscow: Higher School of Economics; 2000. 608 p. (In Russ.)
18. Ekström M. Young people's experiences of political membership: From political parties to Facebook groups. *Information Communication and Society*. 2019; 22 (2): 155–171. DOI: 10.1080/1369118X.2017.1358294
19. Schippers M. C., Ziegler N. Life crafting as a way to find purpose and meaning in life. *Frontiers in Psychology*. 2019; 10: 2778. DOI: 10.3389/fpsyg.2019.02778
20. Voyskunsky A. E. Sovremennyye tendentsii kiberpsikhologicheskikh issledovaniy = Modern trends in cyberpsychological research. In: Martsinkovskaya T. D., Orestova V. R., Gavrichenko O. V. (eds.). *Tsifrovoye obshchestvo v kul'turno-istoricheskoy paradigm = Digital society in the cultural-historical paradigm*. Moscow: Moscow State Pedagogical University; 2019. p. 6–13. (In Russ.)
21. Vikulov A. K., Plotnikova T. V., Shevchenko L. V., Shtofer L. L., Spektor L. A. Citizenship in the structure of socio-political orientations of Russian youth: Place and role in statehood strengthening. *Humanities and Social Sciences Reviews*. 2019; 7 (5): 744–749. DOI: 10.18510/hssr.2019.7592
22. Loreto Martinez M., Cumsille P. Differences in profiles of identity and purpose between civically engaged and not engaged youth. *TPM – Testing, Psychometrics, Methodology in Applied Psychology*. 2019; 26 (4): 589–600. DOI: 10.4473/TPM26.4.7
23. Popova S. M., Shakhrai S. M., Yanik A. A. Izmeneniya progressa = Progress changes. Moscow: Publishing House Nauka; 2010. 272 p. (In Russ.)
24. Zhuravlev A. L., Yurevich A. V. Kollektivnyye smysly kak predposylka lichnogo schast'ya = Collective meanings as a prerequisite for personal happiness. *Psikhologicheskii zhurnal = Psychological Journal* [Internet]. 2014 [cited 2020 Jun 01]; 35 (1): 5–15. Available from: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21279597> (In Russ.)
25. Anoshkin I. V., Sychev O. A. The relationship of youth family values with hedonism and eudemonia. *The Education and Science Journal*. 2019; 21 (8): 90–111. DOI: 10.17853/1994-5639-2019-8-90-111 (In Russ.)
26. Leontiev D. A. Schast'ye i sub'yektivnoye blagopoluchiye: k konstruirovaniyu pon'yatiynogo polya = Happiness and subjective well-being: Towards the construction of a con-

ceptual field. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskije i Sotsial'nye Peremeny* = *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2020; 1: 14–37. DOI: 10.14515/monitoring.2020.1.02 (In Russ.)

27. Leontiev D.A. Schast'ye za predelami blagopoluchiya = Happiness beyond well-being. *Psikhologicheskaya Gazeta* = *Psychological Newspaper* [Internet]. 2020 Jan 21 [cited 2020 Jun 01]: 1. Available from: <https://psy.su/feed/7887/> (In Russ.)

28. Argyle M. *Psikhologiya schast'ya* = *The psychology of happiness*. 2nd ed. St. Petersburg: Publishing House Piter; 2003. 271 p. (In Russ.)

29. Albanesi C., Guarino A., Zani B., Cicognani E., Tzankova I. Civic engagement in a changing world: Does it contribute to the development of global citizenship? *TPM – Testing, Psychometrics, Methodology in Applied Psychology*. 2019; 26 (4 Special Issue): 495–511. DOI: 10.4473/TPM26.4.1

30. Razinov Yu. A. Sostoyaniye postmarginal'nosti = Postmarginality state. *Mezhdunarodnyy zhurnal issledovaniy kul'tury* = *International Journal of Cultural Research*. 2020; 1 (38): 6–21. DOI: 10.24411/2079-1100-2020-00001 (In Russ.)

31. Rudenkin D., Loginov A. Ideologiya v obshchestve pozdnego moderna: ischezno-veniy i litransformatsiya? = Ideology in the society of late modernity: Disappearance or transformation? *Sotsiologicheskoye obozreniye* = *Sociological Review*. 2018; 17 (3): 197–220. DOI: 10.17323/1728-192X-2018-3-197-220 (In Russ.)

32. Muggleton D. *Inside subculture: The postmodern meaning of style*. Oxford; New York: Berg; 2002. 198 p.

33. Vázquez J.-L., Lanero A., Gutiérrez P., García M.-P. Expressive and instrumental motivations explaining youth participation in non-profit voluntary associations: An application in Spain. *International Review on Public and Nonprofit Marketing*. 2015; 12 (3): 237–251. DOI: 10.1007/s12208-015-0128-5

34. Pariyuchuk A. V. Molodezhnaya subkul'tura kak igra = Youth subculture as a game. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* = *Bulletin of the Chelyabinsk State University* [Internet]. 2012 [cited 2020 Jun 01]; 35 (289): 113–118. Available from: <https://elibrary.ru/item.asp?id=18817831> (In Russ.)

35. Vorobyeva I. V., Kruzhkova O. V. Vozmozhnosti psikhodiagnostiki sotsial'nogo serfinga molodezhi = Possibilities of psychodiagnostics of social surfing of young people. *Pedagogicheskoye obrazovaniye v Rossii* = *Pedagogical Education in Russia*. 2018; 1: 191–196. DOI: 10.26170/po18-01-35 (In Russ.)

36. Ishmuradova I. I., Grebennikov V. V., Krokhina J. A., Pavlenko E. M., Makarova E. V., Solovyeva N. A. Social and philosophic foundations of youth nonconformity in contemporary Russia. *European Journal of Science and Theology* [Internet]. 2018 [cited 2020 Jun 01]; 14 (6): 143–158. Available from: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36352649>

37. Balyushina Yu. L. Kul'turnyye praktiki zHITELEY malykh provintsial'nykh gorodov: sotsial'no-filosofskiy vzglyad (na materialakh Vologodskoy oblasti) = Cultural practices of residents of small provincial towns: A socio-philosophical view (based on the materials of the Vologda region). In: *Dialogi o kul'ture i iskusstve* = *Dialogues about culture and art* [Internet]. Perm: Perm State Institute of Culture; 2019 [cited 2020 Jun 01]. p. 181–186. Available from: <https://elibrary.ru/item.asp?id=41308010> (In Russ.)

38. Del Carmen García Galera M., Fernández Muñoz C., Del Hoyo Hurtado M. Ciudadanía informada, ciudadanía participativa. La movilización de los jóvenes en el entorno digital. *Re-*

vista Prisma Social [Internet]. 2017 [cited 2020 Jun 01]; 18: 124–143. Available from: <https://revistaprismasocial.es/article/view/1441> (In Spanish)

39. Folomeeva T. V., Vinokurov F. N., Nagornova V. V. Potrebitel'skoye povedeniye kak indikator prinadlezhnosti k subkul'ture = Consumer behavior as an indicator of belonging to a subculture. In: *Psikhologiya subkul'tury: fenomenologiya i sovremennyye tendentsii razvitiya. Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii = Psychology of Subculture: Phenomenology and Modern Development Trends. Materials of the International Scientific Conference* [Internet]; Moscow; 2019. Moscow: Russian State University for the Humanities; 2019 [cited 2020 Jun 01]; p. 43–50. Available from: <https://elibrary.ru/item.asp?id=42173104> (In Russ.)

40. Kon I. S. Muzhskaya rol' i gendernyy poryadok = Male role and gender order. *Vestnik obshchestvennogo mneniya = Bulletin of Public Opinion* [Internet]. 2008 [cited 2020 Jun 01]; 2 (94): 37–43. Available from: <https://elibrary.ru/item.asp?id=12416817> (In Russ.)

Информация об авторах:

Симонова Ирина Александровна – кандидат философских наук, доцент кафедры педагогики и педагогической компаративистики Уральского государственного педагогического университета; доцент кафедры социальной философии Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина; ORCID 0000-0001-8669-6376; Researcher ID O-1162-2016; Екатеринбург, Россия. E-mail: luboe05@mail.ru

Кружкова Ольга Владимировна – кандидат психологических наук, доцент, заведующий лабораторией перспективных социосредовых исследований Уральского государственного педагогического университета; ORCID 0000-0002-2569-8789; Researcher ID Q-4655-2016; Екатеринбург, Россия. E-mail: galiat1@yandex.ru

Воробьева Ирина Владимировна – кандидат психологических наук, доцент, начальник отдела развития научных исследований Уральского государственного педагогического университета; ORCID 0000-0003-0561-3888; Екатеринбург, Россия. E-mail: lorisha@mail.ru

Вклад соавторов. В сбор эмпирического материала представленного исследования, обработку данных и написание текста статьи равнозначный.

Информация о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 12.10.2020; принята в печать 10.03.2021.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Information about the authors:

Irina A. Simonova – Cand. Sci. (Philosophy), Associate Professor, Department of Pedagogy and Pedagogical Comparative Studies, Ural State Pedagogical University; Associate Professor, Department of Social Philosophy, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin; ORCID 0000-0001-8669-6376, Researcher ID O-1162-2016; Ekaterinburg, Russia. E-mail: luboe05@mail.ru

Olga V. Kruzhkova – Cand. Sci. (Psychology), Associate Professor, Head of the Laboratory for Advanced Socio-Environmental Research, Ural State Pedagogical University; ORCID 0000-0002-2569-8789, Researcher ID Q-4655-2016; Ekaterinburg, Russia. E-mail: galiat1@yandex.ru

Irina V. Vorobyeva – Cand. Sci. (Psychology), Associate Professor, Head of the Research Development Department, Ural State Pedagogical University; ORCID 0000-0003-0561-3888; Ekaterinburg, Russia. E-mail: lorisha@mail.ru

Contribution of the authors. The authors equally contributed to the collection of empirical material of the presented research, data processing and writing the text of the article.

Conflict of interest statement. The authors declare that there is no conflict of interest.

Received 12.10.2020; accepted for publication 10.03.2021.

The authors have read and approved the final manuscript.